

ются социальные организационные средства. В этот поток попутно, без злобы и мести, захватывается кооперация, кроится на заплатки и в виде социальных заплат растягивается, рассысывается разрушительными силами и постепенно погибает.

Заветы гибнущей кооперации чрезвычайно просты. Все живые и

действующие, сделайте все, чтобы структуры хозяйства, государства, нации начали возрождаться, чтобы социальные связи начали постепенно восстанавливаться, чтобы распад организационных средств приостановился! В этом общем потоке восстановления возродится и кооперация.

П. Саламатов.

Государственный коллективизм и крестьянская кооперация.

В переживаемую эпоху, когда перед нашими глазами проходит величайшая в мировой истории попытка организации народного хозяйства на началах социалистических, у работников крестьянской кооперации невольно должен возникнуть вопрос, в каком отношении к этим началам находится его движение.

Вопрос этот имеет прежде всего чисто практическое значение, ибо власть в пылу социалистического строительства сознательно или не сознательно, но весьма часто наносит тягостные, часто губительные удары нашему движению и мы, желая все таки жить в условиях социалистической, народно-хозяйственной системы, определенно должны уяснить к себе и нашему начальству, какое место может и должна занять крестьянская кооперация в социалистическом строе.

Однако, не только довлеющие злобы дня, но и теоретический, а бы сказать даже идеологический интерес заставляет нас поставить этот вопрос. Последние десятилетия социалистическая идея была одной из основных идей русской общности, многие из наших вождей и товарищей по работе считают эту идею основой своего социально-политического мировоззрения. Естественно, что при формировании своей идеологии и своей хозяйственной программы мы не можем обойти эту идею молчанием, но силою обстановки должны установить свое к ней отношение и возможное взаимоотношение наших действий с возможными формами ее реализации.

Многие из наших товарищей по работе полагают, что кооперация, в сущности, является одной из наиболее элементарных форм реализации социалистической идеи, своего рода протосоциализм, который становится излишним, коль скоро на сцену выступает настоящий социализм и отбрасывается прочь, как пройденный этап, как дымящая печь при наступлении теплого лета.

Другие, обратно, не только склонны отрицать какое либо отношение кооперативного движения к социалистической идее, но указывают настойчиво на самую теснейшую связь кооперации с системой капитализма. Согласно их пониманию, кооперация может существовать только в пределах капиталистического общества и является не более как своеобразной организацией мелких капиталов. Поэтому можно говорить о борьбе кооперации с крупными капиталами, но отнюдь не о борьбе ее с капитализмом, ибо этот последний является основной предпосылкой существования кооперации. Нам представляется, что и та и другая точка зрения является в равной мере ошибочной. Наше движение, по нашему глубочайшему убеждению, постепенно слагает новую народно-хозяйственную систему, покоющуюся на своих собственных, ей одной присущих идеологических и организационных основах и могущей в равной мере сосуществовать как с капиталистическим, так равно и социалистическим строем в различных отраслях народного хозяйства.]

Обоснование этого положения и является главной задачей настоящей статьи. Во избежание возможных недоразумений мы начнем наш анализ установлением того понимания, которое вкладывается нами в понятия „капитализм“ и „социализм“, так как весьма часто под этими терминами у разных авторов скрывается различное содержание.

Говоря „капитализм“, мы подразумеваем такую народно-хозяйственную систему, в которой производство организуется отдельными независимыми предпринимателями на наемном труде, причем произведения этого труда всецело находятся в распоряжении работодателя. В большинстве случаев средства производства принадлежат в этой системе работодателю, но не редко они, или средства необходимые для их приобретения предоставляются предпринимателям другими лицами на началах возмездности. Распределение национального дохода в этой народно-хозяйственной системе устанавливается взаимоотношением стихийных хозяйственных сил и слагается вне какого либо общего плана, если не считать за оный некоторое организующее влияние союзов предпринимателей и рабочих.

Гораздо труднее поддается определению понятие „социализм“. Если мы расширим несколько десятков книг различных авторов, начиная от великих утопистов до деятелей РСФСР, и сопоставим излагаемые начала между собою, то нас скорее поразит чрезвычайное различие, чем черты сходства. Начала Роберта Оуэна, Фурье и Сена-Симона, имеющие мало общего между собой, еще в большей мере отличаются от схем Маркса, или начал, начертанных в готской программе. Даже покидая мир книжной теории и переходя к практике движения, мы должны будем признать, что идеология различных течений французского социализма имеет мало общего с конструкциями германской социал-демократии, а эти последние с творческой работой социалистического строительства наших отечественных деятелей.

Единственно общее, что можно вывести за знак скобки для всех социалистических систем, это общая идея об общественной организации производства, при которой доля каждого в распределении национального дохода не зависит от количества капиталов ему принадлежащих, но определяется или его трудовым участием в производстве благ или его правом на сумму благ, удовлетворяющих круг его потребностей, соответствующий общему уровню благосостояния страны.

Если мы захотим более конкретно представить себе систему социалистической организации производства, то нас могут спросить, о каком социализме мы говорим? О социализме Фурье, о социализме Прудона (и какой фазы в развитии идей Прудона), о социализме Маркса, Ленина или какомнибудь другом.

В настоящей статье мы говорим о той разновидности социализма, которая известна под термином „государственный коллективизм“, т. е. ту его форму, к которой более всего приближаются построения практических работников русского социализма переживаемых дней.

Согласно этой системы все производство страны должно строиться, как единое предприятие государства, причем все граждане обязаны принимать в нем участие. Все произведения их труда являются собственностью государства, которому принадлежат и все средства производства. Распределение национального дохода между гражданами участниками производства совершается государством на началах наиболее соответствующих видам этого государства.

Таково наше понимание „капитализма“ и „социализма“. Для того, чтобы сопоставить с этими системами ту, которую мы называем „крестьянская кооперация“, нам прежде всего нужно ориентировать в отношении их само крестьянское хозяйство, ибо для нас слово „крестьянская“ важнее слова „кооперация“, и для той народно-хозяйственной системы, к описанию которой мы переходим, нами

наиболее точным термином почитается наименование „кооперированное крестьянское хозяйство“.

Достаточно быстрого сравнения для убеждения в том, что крестьянское хозяйство, даже лишенное кооперации не есть ни капитализм, ни социализм. От первого его отличает отсутствие наемного труда¹⁾.

От второго — индивидуалистический характер производства.

Крестьянское хозяйство, являющееся трудовым и потребительским, говоря точнее семейным хозяйством, представляет собою наиболее древнюю и в тоже время наименее изученную форму организации производства. Ему свойственны особые мотивы хозяйственной деятельности, отличные от мотивов капиталистического хозяйства, свои методы разрешения очередных хозяйственных проблем и даже свое только ему одному присущее понимание выгоды.

Не имея возможности в этой статье анализировать его природу, мы отсылаем читателя к специальным работам Бруцкуса, Макарова, Челинцева и автора этих строк²⁾.

В них читатель найдет довольно полный анализ особенностей крестьянского хозяйства.

Здесь же отметим только, что система трудового семейного хозяйства в земледелии исторически выявила свою крайнюю устойчивость и выживаемость.

Двести лет тому назад в обрабатывающей промышленности началось победное шествие капитализма. Формы мелкого семейного производства — ре-

¹⁾ Мы оставляем в стороне интересную, но софистическую концепцию Лященко, согласно которой крестьянское хозяйство суть чуть ли не система раздаточной конторы, в которой роль предпринимателя играет торговый капитал.

²⁾ В. Д. Бруцкус „Очерки крестьянского хозяйства в Западной Европе“ Харьков 1919 г., Н. П. Макаров „Крестьянское хозяйство и его эволюция“ М. 1919 г., А. П. Челинцев. — Сельско-хозяйственные районы, как формы эволюции, А. В. Чаянов. „Очерки по теории трудового хозяйства“ М. 1912 г., Его же. — „Организация северного крестьянского хозяйства“ М. 1918 г., Его же. — Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации.

месло и кустарничество — не могли устоять против организующей воли крупного капитала. Крупные организационные системы, по своим размерам далеко выходящие за пределы семейного и полусемейного хозяйства, постепенно оттеснили мелкого производителя и властью капитала создали современные колоссы фабрично-заводской промышленности, отрывши новую эру хозяйственной истории. Несмотря на живучесть мелкого производства, победное шествие капитализма было беспрепятственно, под его натпором одна за другой падали крупнейшие цитадели семейного производства. В конце XIX века даже могло казаться, что капитализация всего народного хозяйства есть только вопрос времени.

Однако хозяйственная история последних десятилетий показала, что развитие капитализма все же имеет свои пределы. Теперь мы знаем, что преимущества крупной капиталистической формы производства имеют в разных областях народного хозяйства различную степень количественного выражения.

В то время как в одних, например, приделении или металлургии, степень превосходства крупного капиталистического производства над мелким семейным исключает всякую возможность существования этого последнего — в других областях количественное выражение преимущества капиталистического предприятия ничтожно и сравнительная с ним выживаемость мелкого семейного хозяйства настолько велика что позволяет ему не только удерживать, но и расширять свои позиции.

К этой области народно-хозяйственной жизни принадлежат целиком все сельское хозяйство.

И если теперь говорят, что мы живем в условиях капиталистического строя, то это следует понимать ограниченно, так как большая половина материальных благ мирового хозяйства и до сего времени создается в условиях хозяйства семейного.

Таким образом, капитализм, в силу целого ряда организационных и тех-

нических особенностей земледельческого производства оказался бессильным организовать сельское хозяйство от семейного производства на более „высокие“ формы хозяйственной организации.

Семейное трудовое хозяйство в земледелии оказалось непоколебленным и сосуществующим промышленному капитализму.

Столь же непоколебимым по всей вероятности окажется оно и перед лицом государственного коллективизма.

Согласно учению „научного марксизма“, а в этом с ним нельзя не соглашаться, для водворения социалистической системы производства необходима постепенная капитализация оного, известный период концентрации капиталистических предприятий, после которой как неизбежная фаза в историческом развитии следует „экспроприация экспроприаторов“ и водворяется система государственного социализма. Недаром же в свое время „ортодоксы“ считали необходимым выварить мужика в фабричном котле. А так как такой капитализации не происходит, да по всей вероятности не произойдет, то социалисты рискуют, экспроприировав всех экспроприаторов, очутиться в области земледелия перед миллионами распыленных крестьянских хозяйств, которые как строительный материал социалистического здания подобны сыпучему песку и для возведения эфелевых башен не годятся. При этом по опыту многих революций необходимо отметить, что крестьянство также весьма склонно „экспроприировать экспроприаторов“, не в свою пользу, а не в пользу государственного хозяйства.

В такое по крайней мере положение попали мы — практические деятели сегодняшнего дня. Наладив кое как на части экспроприированных помещичьих земель нечто вроде „фабрик зерна“, в виде советских хозяйств, мы стоим в полном недоумении, что такое социалистическое можно сделать с миллионами крестьянских хозяйств.

Перед нами в сущности говоря, два возможных выхода.

Или, отложив в сторону Маркса и его учение о закономерном развитии народного хозяйства, силою государственного принуждения отменить крестьянское хозяйство, экспроприировать его землю и средства производства и приписать пролетаризованное таким образом крестьянство ко вновь организуемым „фабрикам зерна“.

Или же признать систему крестьянского хозяйства в земледелии сосуществующей системе государственного коллективизма в промышленности и, строя общую дуалистическую систему народного хозяйства исходить из этого положения, укрепляя производственную мощь крестьянского хозяйства ему присущими методами.

Первое решение по причинам политическим и по причинам хозяйственной безнадежности можно считать отнавшим после нашего опыта 1918 и 1919 годов.

Второе решение еще не опробовано теоретической мыслью.

Впрочем В. Милютин, говоря об экономической политике идеологов крестьянства, в своей последней работе признал, что она „по существу легко укладывается и в рамки буржуазного и в рамки социалистического строя“¹⁾.

Итак, крестьянское хозяйство не есть ни капитализм, ни социализм и мыслимо как сосуществующее тому и другому.

В каком же направлении развивается это хозяйство и какие эволюционные процессы можем мы в нем отметить?

Наиболее важным по своему значению и наиболее интересным в настоящую минуту для нас является процесс очень быстрой кооперативации крестьянского хозяйства.

Капитализм, водворивший крупное производство в обрабатывающей промышленности, был, как мы знаем, бессильен водворить оное в земледелии.

Однако то, что было не под силу власти капитала, оказалось выполненным силой кооперативной идеи.

¹⁾ (В. Милютин „Социализм и сельское хозяйство“ М. 1919 г.).

Благодаря легкой расчленяемости организационного плана крестьянского хозяйства, кооперации удалось, не нарушая индивидуальности и самостоятельности крестьянского семейного производства выделить из него все те хозяйственные процессы, в которых крупная форма хозяйства была более выгодна, чем мелкая, и организовать их на стороне в кооперативном предприятии на степень этого крупного предприятия.

Таким путем постепенно сложилась новая народно-хозяйственная система кооперативного крестьянского хозяйства, которую мы, деятели крестьянской кооперации, считаем новой народно-хозяйственной системой, имеющей для земледелия такое же значение, какое в свое время имел капитализм для обрабатывающей промышленности.

Что же такое представляет из себя крестьянская кооперация? Быть может, она-то и является в земледелии зачатком капитализма или социализма.

Нет и нет, — ответим мы.

Крестьянская кооперация прежде всего не есть капитализм. Правда, в кооперативных предприятиях мы имеем применение наемного труда. Но при этом нельзя забывать, что кооперативные предприятия суть не более, как небольшие вспомогательные аппараты в общей системе крестьянского хозяйства и мы имеем перед собою не самодовлеющую крестьянскую кооперацию, а кооперированное крестьянское хозяйство, где наемный труд кооперативных вспомогательных аппаратов тонет в общей массе крестьянского семейного труда и вся система в целом остается чисто-трудовой.

Организация кооперативных аппаратов носит общественный характер; ценности, представляющие продукт их деятельности, принадлежат всей системе кооперированных крестьянских хозяйств в той же мере, как и средства производства кооперативов. Распределение получаемого дохода совершается согласно участию каждого члена в деятельности кооператива, а при трудовом характере всей крестьян-

ской хозяйственной деятельности сообразно в конце концов трудовому участию.

Мне могут указать, что многие вышние формы капиталистических предприятий вроде трестов и синдикатов, различных бюро снабжения и обществ взаимного страхования построены на тех же самых мною изложенных общественных началах.

Я не буду против этого возражать, но замечу, что дело не только в началах, но также и в том, кого эти начала обслуживают. Всякий вспомогательный аппарат, не имеющий самодовлеющего значения, определяется тем главным, в помощь чему он создан.

Характеризуя кооперативный аппарат, как общественный, я тем подчеркиваю, что он, будучи приложен к крестьянскому хозяйству, ничего капиталистического в общей системе кооперированного крестьянского хозяйства не приносит. Если же аналогичный аппарат треста будет приложен в помощь, скажем, свекло-сахарным заводам, то ему излишне добавлять что-либо капиталистическое всей получающейся системе, так как трестированная свекло-сахарная промышленность есть образование капиталистическое прежде всего по своим слагаемым.

Каждый рубль дохода нашего треста будет доходом капиталистическим не потому, что сам трест будет организован анти-общественно, а потому, что в основе этого рубля лежит наемный труд входящих в трест заводов и потому что, в конце концов, рубль этот будет выдан как дивиденд найщикам этих же объединяющихся заводов.

Каждый же рубль дохода Союзкартофеля, положим, создан трудом крестьянина картофелевода и как оплата этого труда ему возвратится.

Не являясь капитализмом, кооперативное крестьянское хозяйство не является в то же время и государственным коллективизмом, ибо в его организации и руководстве государства совершенно не причем. А самые первоначальные крестьянские хозяй-

ства в своей основе остаются самостоятельными и индивидуальными, коллективизируется же только часть хозяйственного оборота, по своему объему не весьма значительная.

Таким образом, не только крестьянское, но также и кооперированное крестьянское хозяйство не являются ни капитализмом, ни государственным социализмом.

Может ли, однако, кооперированное крестьянское хозяйство сосуществовать капитализму и государственному коллективизму, как может им сосуществовать простое распыленное крестьянское хозяйство.

В отношении капитализма это сосуществование, как указывает пример Дании и других стран, — исторический факт. Правда, это сосуществование далеко не является мирным, и кооперация в отношении сосуществующей ей капитализма всегда повернута боевым наступательным фронтом.

В отношении же государственного коллективизма вопрос не столь ясен.

С точки зрения объективных данных такое сосуществование не только возможно, но даже даст наиболее высшую степень хозяйственной и социальной организации страны. При зрелом, имеющем 20-летний опыт, социализме, оно явится основой народно-хозяйственной организации, но непосредственно после „экспроприации экспроприаторов“ такое сосуществование, боюсь, что не удастся.

Социалистическая государственная власть в порыве своей молодости, по всей вероятности, не потерпит, чтобы рядом с ней могла быть какая-либо иная хозяйственная сила, кроме ее самой и по соображениям психологическим, а также по некоторым политическим мотивам, предпочтет вместо мощного, организованного в свои кооперативы крестьянства иметь крестьянство распыленное и низведенное на ступень политический и хозяйственных илотов.

По счастью для русской крестьянской кооперации в момент нашего социалистического переворота на

лицо существовало несколько обстоятельств, благоприятствующих крестьянской кооперации: страна наша была, главным образом, крестьянской и крестьянство в переменившейся политической жизни сумело показать свою достаточную, хотя и пассивную, мощь и полную невозможность им управлять хозяйственно, буде оно останется распыленным, во-вторых, городская крупная промышленность хозяйственно оказалась чрезвычайно маломощной и, в третьих, кооперативный аппарат умел сделаться столь мощным, что его уничтожение было явно нелепым с народно-хозяйственной точки зрения.

Поэтому у нас политика государственной власти в отношении кооперации вылилась не столько в форму уничтожения, сколько в форму попыток подчинения кооперативных организаций государственной воле и использования ее как технического аппарата в государственных целях, пока само государство не создало своих собственных аппаратов.

Подчинение кооперации государственной воле практически вылилось в различные формы национализации руководящих кооперативных центров — в одном случае рабочий аппарат этого центра, без особенной на первый взгляд ломки, национализировался и превратился в орган государственной власти, в другом случае в состав органов управления кооперативного центра вводили ряд членов по назначению в большем количестве, чем наличность членов по выборам, в третьем случае кооперативный центр отстранялся от хозяйственной работы и ему предоставлялось медленно умирать, а на его место ставился государственный орган. Во всех случаях смысл был один — кооперативный аппарат в целом виде местных кооперативов и даже местных союзов оставался в сохранности, на место же руководящих центров выставлялись органы правительственной власти.

Логически все выходило очень просто: весь народно-хозяйственный аппарат кооперации оставался как будто в целости, а государство настолько прочно овладевало всем движением, что кооперативные системы мало чем отличались от системы главков и центров.

Так было логически. Однако, при этом упускалось из виду, что кооперация не есть только технический аппарат, что как ни как, а все же она является также и социальным движением и, в сущности говоря, этим-то она и сильна. Упущалось из виду, что кооперация есть крестьянская самостоятельность, многообразно проявляемая в формах, вытекающих из ее внутренней природы, и работающая собственными ей методами и что нельзя усилиями государственного прессы волю придать форму верблюда и требовать при этом, чтобы он остался жив.

Крестьянская кооперация, лишенная головы и вытянута на Прокрустово ложе Главков и Центров, мертва есть и конвульсии, ее сотрясающие, нельзя принимать за жизнь. Не надо быть пророком для предсказания, что при продолжении подобного режима распадутся последние живительные соки крестьянской кооперативной системы и государственная власть окажется лицом к лицу с миллионами распыленных хозяйств.

„Что же здесь ужасного, — скажут мне деятели Компрода, если случайно прочтут эти строки. — Ведь, в сущности, деятельность кооперации ограничивалась посредничеством. Был один посреднический аппарат кооперативный, теперь будет другой — государственный. Что же изменяется“.

В этом-то утверждении, не раз нами слышанном, и кроется главнейшее недоразумение, столь гибельное для судеб нашего движения.

В ответ на него мы не раз заявляли и будем заявлять, что наша

работа, работа, крестьянской кооперации, лежит вовсе не в области организации посредничества, а исключительно в области организации производства.

И если внешняя бытовая, закупочная и кредитная работа преобладает в наших организациях над всякой иной, то это только внешнее впечатление, ибо мы при помощи посредничества организуем само производство. Посредничество для нас, главным образом, орудие в воздействии на внутреннюю организацию хозяйства. Мы используем власть рынка, подобно тому, как государство использует силу государственного принуждения и, поверьте, что наша работа не сводится к ссыпным пунктам и складам машин и семян.

С помощью организации сбыта мы наладили сибирское и вологодское маслоделие, улучшили скот и создали промышленное молочное хозяйство там, где ранее чахлые коровенки содержались для навоза, с помощью сбыта выросли около картофель-терочных отраслей промышленные засева картофеля, исходя из сбыта, Лыноцентр ввел в крестьянское хозяйство начала массовой селекции льна. Вся наша закупочная кооперация всегда смотрела на свою закупку, как на дело организации средств производства крестьянского хозяйства и не сводила свою работу к продаже сепаратора и шпигата. Точно так же все коренные улучшения в сельском хозяйстве могут проникнуть в крестьянское хозяйство только через ворота меллиоративного кооперативного кредита.

То многое, что было в этой области достигнуто, было только первыми нашими шагами, но и это, добытое десятилетием работы, рассыплется, коль скоро рассыплется единый кооперативный аппарат.

И никакими другими путями, кроме кооперативной самостоятельности, возродиться не сможет.

А. Чапанов.

Общественное и личное начало в кооперативном праве.

Подчинение единой общей воле есть органический закон всякого объединения, начиная с государства и кончая самой малой коллективной ячейкой. Кооператор идет на подчинение воле своего кооператива добровольно, сознавая, что у него есть общий интерес с остальными членами, удовлетворение которого соединенными силами достигается более успешно. Поскольку дело идет о стремлении к общей цели, в направлении которой интересы членов совпадают, в сущности, даже не приходится говорить о подчинении воли отдельной личности, а скорее — о слиянии с волей остальных. Но как нельзя найти даже кучки песку с абсолютно тождественными песчинками, так тем более в любом объединении людей стремлению к общей цели неизбежно сопутствует многообразие иных интересов у каждой личности в отдельности, которые часто не только трудно, но и невозможно согласовать. Если, например, совместный сбыт продуктов выгоден всем членам, то безусловное запрещение продажи иногда продуктов на сторону, минуя свой кооператив, может быть и не по вкусу более оборотистым членам. В таких то случаях и возникает вопрос о подчинении своей воли общей воле — о жертве своим ближайшим интересом в пользу общего.

Однако, таким жертвам есть предел; обыкновенно человек не идет на них добровольно, если они слишком велики по сравнению с пользой, которую дает ему общее дело, а попытка принудительного подчинения в таких случаях принимается как невыносимый гнет. В этом противостоянии „общего“ и „личного“, неизбежно в силу природы чемовещеской сочувствующего всякому общению, кроется часто причина раскола групп, несмотря на общность интересов их участников, и именно в этом основная трудность всякого коллективного строительства. Одностороннее решение этой дилеммы в пользу неограниченной власти целого и беспра-

вия личности, как это было в правовом строении примитивных коллективов (напомним, напр., нашу сельскую общину, или цехи на Западе) привело, в эпоху осможжения хозяйственных отношений и неизбежного в силу этого роста запросов личности, к разложению этих коллективов. Последовавшая затем в эпоху французской революции другая крайность, как реакция против первобытного коллективного засилия, потерпела еще большую неудачу, т. к. попытка совершенно запретить частнохозяйственные ассоциации во имя свободы личности грозила лишить самую личность величайших благ, достигаемых только в добровольно организованном сотрудничестве.

Поэтому современное право пошло по единственно возможному пути, пытаясь создавать формы объединений, гармонически сочетающие начало общественное и личное, на основе признания абсолютной ценности того и другого. В первую голову это достигается тем, что прежняя произвольная и неограниченная власть целого вводится в современном культурном коллективе в правовые рамки: уставы устанавливают особые условия и формы ее проявления (правила о составе и действии общих собраний), и вместе с тем определяют сферу ее господства (компетенция общего собрания) и ее предел, за которым права члена признаются неприкосновенными для большинства общего собрания (напр., общее собрание не может произвольно лишать члена права голоса или права на услуги коллектива, не может также требовать материальных жертв, не предусмотренных уставом и проч.). Таким путем, устав при желании может заранее провести демаркационную линию между сферами господства общего интереса и неприкосновенности личного интереса, давая вступающему возможность взвесить приемлемость степени подчинения его общественному началу.

Однако, все это лишь формальные проявления гарантии, свойствен-